

Мухин М.Ю.

Екатеринбург, Россия

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
(по данным статистического
и тематического анализа лексики)**

УДК 35.077.5

ВВК 4214

Аннотация. В статье предлагается методика, объединяющая количественный, идеографический и контекстологический анализ художественного текста. На основании контекстов частотной лексики, характерной для произведений А. Платонова, выявляется характер художественной концептуализации внутри сфер «Государство и право» и «Социальные отношения», определяемой их пересечением с другими денотативными категориями.

Ключевые слова: идиостиль, концептуализация, концептуальная система, частотный анализ, идеографический анализ, А. Платонов.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.

E-mail: mfly@sky.ru.

Mukhin M.Y.

Ekaterinburg, Russia

**SOCIAL AND POLITICAL SPHERE CONCEPTUALIZATION
IN ANDREW PLATONOV'S WORKS
(on the Basis of Statistic
and Thematic Lexical Analysis)**

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article proposes threefold approach, combining quantitative, ideographic and contextual methods of text analysis. By reference to the frequency lexical units characteristic of A. Platonov's works, it reveals the distinctive character of literary conceptualization within the spheres like "The State and Public Law", "Social Interactions", as determined by their overlapping with other denotative categories.

Key words: idiosstyle, conceptualization, conceptual system, quantitative analysis, ideographic analysis, A. Platonov.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

620026, Ekaterinburg, ul. Kuybysheva, d. 105, kv. 57.

Современные возможности обработки больших текстовых массивов привели к появлению новых методик идиостилевого анализа, основанных на критерии частотности языковых единиц. Как пишет З. Г. Минц, «мы вправе надеяться, что исследование количественных отношений в тексте обогатит возможности моделирования языковой структуры — в частности, ее плана содержания» [Минц 1999: 683]. На наш взгляд, к систематизации плана содержания, т. е. семантики художественного текста, ведет тематический анализ частотной лексики.

Предлагаемая здесь методика сводится к следующему. Из 16 крупных текстов М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова (около 1,5 млн словоупотреблений), выбрано по 1000 самых частотных знаменательных слов. В материал исследования вошли четыре произведения Андрея Платонова: «Сокровенный человек» (далее — СЧ), «Чевенгур» (Ч), «Котлован» (К) и «Ювенильное море» (ЮМ) — всего 190947 слов. Частотные лексические списки сопоставлены, и выявлены ряды так называемой «индивидуально-авторской лексики». Это слова, которые часто встречаются в текстах одного автора и нехарактерны для других писателей (имеются в виду лексемы, попадающие в частотный ряд не менее чем двух текстов одного автора и не более чем одного чужого произведения). У Платонова это слова коммунизм, паровоз, природа, пролетариат, социализм, пища, масса, скучно, пространство, машинист, буржуй, почва, мучиться, выдумывать, вещество, будущее, буржуазия, трудиться,

одинокий, пролетарий, тосковать, изба, работа, песня, грустный, кузнец, рабочий и др. Всего выявлено 292 лексемы в 7652 контекстах, тематически соотнесенных с 32 денотативными сферами («Живая природа», «Человек как живое существо», «Речь», «Интеллект» и др.) и — далее — денотативными группами. В работе использовалась идеографическая классификация, принятая в словарях лексикографической группы «Русский глагол», вышедших под редакцией проф. Л. Г. Бабенко [Большой толковый словарь русских существительных 2005; Словарь-тезаурус синонимов русской речи 2007].

Произведения каждого автора характеризуются индивидуальным набором денотативных классов, репрезентированных в тексте и отражающих авторское представление о мире. Этот набор, т. е. оригинальное количественное соотношение денотативных сфер и групп в различных текстах одного писателя, мы называем концептуальным профилем автора. В концептуальном профиле А. Платонова наибольшее количественное выражение получают сферы «Социальные отношения и трудовая деятельность», «Эмоции», «Универсальные представления, смыслы, отношения», «Техника, производство, транспорт», «Пространство» и др.

Социально-политическая тематика напрямую связана с двумя денотативными сферами: «Государство и право» (1) и «Социальные отношения и трудовая деятельность» (2). В сумме они составляют 18,3 % контекстов индивиду-

ально-авторской лексики, выбранной из произведений Платонова. Это очень большой показатель, указывающий на идиостилевые особенности: у других авторов значения гораздо меньше (от 3,5 до 11 %). Заметим, кроме того, что в среднем на каждую из 32 сфер приходится примерно 3 % в общем концептуальном профиле.

Стилистически в текстах А. Платонова эти сферы выделяются из-за большого количества советизмов (*пролетариат, единоличник, сознательный, элемент, социалистический* и т.п.). Для верного понимания авторского употребления этих слов необходимо изучение их текстовой концептуализации, т.е. рассмотрение особых концептуальных структур, возникших в тексте вследствие регулярного расширения семантики слов одной денотативной сферы. Иначе по списку частотных лексем можно составить ошибочное, упрощенное представление о платоновском творчестве. Платоновские символы, как считает К.А. Баршт, «принципиально могут быть названы и обозначены соответствующими знаками, но отнюдь не всегда эти слова могут быть механически извлечены из его текстов и перенесены из художественного в научный контекст. Даже такие слова, как «вещество», «пролетариат»... могут употребляться только в кавычках, так как они означают совсем не то, что мы видим в толковом словаре русского языка» [Баршт 2000: 8].

(1) Рассмотрим контексты лексики государственно-правовой сферы. В текстах Платонова резко преобладают идеологически важные слова, называющие общественный строй (*коммунизм* — 257 контекстов, *социализм* — 99, *капитализм* — 30). Эти слова «обрастают» особыми бытийными или, наоборот, конкретно-физическими смыслами: *небо, покрывавшее капитализм* (разрядкой здесь и далее выделяются частотные слова, из-за которых весь контекст попадает в рассмотрение) и *коммунизм сплошным равнодушием* (Ч); *капитализм наступает: душа с советской властью расстается* (ЮМ); *капитализм сеять собираетесь* (К) и многие др. Оппозиция «коммунизм и социализм ↔ капитализм» проявляется в них не только на референтном, но и на образном уровне: *вы так и будете стоять между капитализмом и коммунизмом; мы должны бросить каждого в раскол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма* (К); *тогда бы деревья высали из земли остатки капитализма и обратили их, по-хозяйски, в зелень социализма* (Ч); *Кто капитализм на своем животе перенес, для того коммунизм — слабость; пустоту и скорбь капитализма сменял многолюдный социализм* (ЮМ). Капитализм ассоциируется с чем-либо косным, мертвым, тяжелым, пустым, вчерашним, а социализм и коммунизм — с подвижным, живым,

легким, наполненным, современным. На этом фоне выделяется пример противопоставления социально-государственного природному, при котором капитализм и коммунизм неожиданно оказываются рядом: *...на Дальнем Востоке, на берегу Тихого океана, почти на конце земли, откуда начиналось небо, покрывавшее капитализм и коммунизм сплошным равнодушием* (Ч).

По мысли Э.В. Рудаковской, абстрактные понятия у Платонова «наделяются пространственными характеристиками, имеют определенную локализованность в пространстве. Некоторые из них, например... «коммунизм», одушевляются, осмысляются как часть человеческого тела или, напротив, могут функционировать самостоятельно, отдельно от человека» [Рудаковская 2004: 291]. Действительно, сплошные метафорические контексты, в которых употребляются эти слова, абстрактизируют или, наоборот, опредмечивают черты разновидностей государственного строя, что определяет концептуализацию лексики группы: *мужик же всю свою жизнь копил капитализм; в неразумности огороженного дворового капитализма* (К); *Советская Россия... похожа на молодую березку, на которую кидается коза капитализма; ...людей, дуром приспособляющих социализм к порожним местам равнин и оврагов; вздыхал в тишине чевенгурского коммунизма* (Ч) *Но Айна не горевала, потому что хотела сделать социализм, только чесала под рубашкой ногтями* (ЮМ) и многие др. примеры. Иными словами, государственная сфера сливается в платоновских текстах с бытийной, т.е. с универсальными представлениями человека и природными процессами, или с конкретными сферами — «Живое существо», «Экономика», «Сельское хозяйство».

(2) Сфера «Социальные отношения и трудовая деятельность» является крайне разветвленной и пестрой по характеру слов. Привлекаемый материал позволяет разделить ее на следующие группы:

1) «Общие понятия» (слова типа *социальный, свобода* и т.п.),

2) «Человек» (*директор, посетитель, служащий, бедняк*),

3) «Социальное действие» и его частные значения: взаимодействие, забота, защита, конфликт, победа, поражение, владение, обеспечение и др. (*организовывать, обеспечивать, освобождать* и т.п.),

4) «Социальное свойство» (*зажиточный, модный, классовый* и т.п.),

5) «Поведение» (*лезть, осторожный, грубый*),

6) «Трудовая деятельность» (*трудиться, занятие, приниматься*),

7) «Учреждение» (*организация, сельсовет*),

8) «Документ» (*ведомость, документ*).

Обратимся к контекстологическому анализу этих групп лексики.

• «Общие понятия». Частотность слов *всеобщий, личный, свобода, культурный, социальный* и др. — яркая черта платоновского текста. Их употребление связано с идеей глобальности социальных процессов, переживаемых людьми: *Он видел в жизни, что глупые и несчастные добрее умных и более способные изменить свою жизнь к свободе и счастью* (Ч); *Вермо вытер заслезившиеся от восторга глаза и встал на ноги, будучи рад всеобщей радостью* (ЮМ); *...у нее поднималось сердце от вида всеобщей стремящейся жизни* (К). Личные устремления героев вполне вписываются в направление всеобщих усилий, поэтому понятия «всеобщее» и «личное» обычно не противопоставлены: *Копенкин видел в белогвардейцах и бандитах не очень важных врагов, недостойных его личной ярости* (Ч); *...главный же удар он [Вермо] сосредоточил на достройке и оборудовании электрической мясной башни, где производил весь монтаж лично* (ЮМ).

• «Человек». Слова, обозначающие человека с социальной точки зрения, большей частью указывают на классовую принадлежность: *пролетариат* (112 случаев употребления, попадает в частотный пик всех анализируемых произведений), *буржуй* (72), *буржуазия* (54), *пролетарий* (51), *бедняк* (46), *рабочий* (45), а также слова *служащий, кулачество, единоличник* и др. Социальные ценности времени определяют четкое противопоставление пролетариата, рабочих и, наоборот, буржуазии, кулаков, порождающее текстовые антитезы: *Вот ты и вспомни: раз есть пролетариат, то к чему ж буржуазия?* (Ч) *Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии* (СЧ). Особого внимания заслуживает здесь слово *элемент*, употребляемое в значении «4. О человеке, личности как представителе какой-л. среды, социальной группы и т.п.» (БТС). Редкие случаи употребления этого советизма в позитивных контекстах (*всемирный, точный, революционный, усталый элемент* и *элемент будущего*) уступают по количеству и сочетаемости противоположным (*несознательный, дворовый* (с негативной оценкой), *неясный, нетрудовой, буржуазный, жесткий, капиталистический*). Сама семантика этого слова подчеркивает неопределенность объекта номинации, отсюда сочетание *неясный элемент, несознательный элемент*.

Собирательность обозначения людей, класса обнаруживается в употреблении платоновым характерных слов *беднота, бригада, гуца, масса, население*: *И хотя ж мы низовая масса, хотя мы самая красная гуца, но нам кого-то не хватает и мы кого-то ждем!..; ...снег не утепляет домов, и тогда можно простудить все население коммунизма и оно*

умрет к весне (Ч); *Организованная членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится* (К). Собирательный характер имеют и знаковые слова сферы *пролетариат* и *буржуазия*: *В ночь на четверге соборную площадь заняла чевенгурская буржуазия, пришедшая еще с вечера* (Ч). Как пишет М. В. Фролова, «в произведениях М. Булгакова субъектом и объектом социальных отношений выступают в основном конкретные личности, индивидуальности, в произведениях А. Платонова — масса, класс, власть, отряд и т.д.» [Фролова 2008: 7]. Действительно, если сопоставить реализации социальной сферы в творчестве разных писателей, бросается в глаза ее обобщенный характер и глобализация у Платонова и преобладание личностных, психологических аспектов, например, у М. Булгакова и В. Набокова.

• «Социальное действие». Самые разные виды социальных действий обычно связаны с общей идеей построения новых отношений, нового пространства и, в конечном счете, нового мира. Таковы социальные контексты глаголов *надеяться, определять, обеспечивать, организовывать, освобождать, присылать, спускать, срывать, уничтожать, утрачивать*: *Окончив счисление своих величин, Прушевский обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища...* (К); *...вся голова, туловище, всякое движение Босталевой соответствуют коммунизму и обеспечивают его близкую необходимость* (ЮМ); *Ведь в кузне есть промфинплан, а ты его срываешь!*; *Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа* (К).

Организация нового строя предполагает организацию как всей страны (и всей планеты), так и каждого конкретного человека: *Трудно организовать из тебя скелет коммунизма!* (К); *Ему хотелось идти... для того, чтобы по мерке Чевенгура как можно скорее во всей губернии организовать коммунизм* (Ч). Соответственно противопоставляется то, что нужно строить, созидать и, наоборот, разрушать: *...вы сразу узнали, зачем нам нужен общий дом пролетариату, который вы начнете строить вслед за тем* (К); *Поглядеть, нет ли еще чего из остатков империи, — и тоже сегодня уничтожить!* — *распорядился Чепурный...* (Ч); *Ведь здесь же была ликвадация и гулачества: кто же тут есть?* (ЮМ).

Бытийность социальных процессов, их вовлеченность в общий миропорядок в концепции Платонова можно представить на примере контекстов слова *революционный*. Во фразе *Никаких революционных событий для него, стержца, не существовало* (СЧ) его употребление вполне привычно. В случаях, когда *глубокая революционная ночь лежала над обреченным лесом* (Ч) или утро было *рево-*

люционное вполне (СЧ), в социальные процессы вовлекаются природные и временные. Вообще, революционными у Платонова, кроме времени, дела, события, могут быть беспокойство, утро, сочинение, совесть, чувство, дележ скота, польза, кровь, заповедник, скотина (лошадь), предчувствие, душа, достоинство и др. конкретные и абстрактные реалии.

• «Социальное свойство». Социальные свойства человека также во многом подчиняются антиномиям революционного времени. Человек может иметь значение и, наоборот, быть ничтожным, неизвестным: *Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения...* (К); *Однако в центре уже успели забыть его значение и характеристику, так что Умрицев стал как бы неясен...* (ЮМ); *...он мучился, что это руководящее умное лицо спит, как ничтожный гражданин, среди лежащих масс* (К); *Безвестный мужик с желтыми глазами скулил в углу барака про одно и то же свое горе...* (К). Так же проявляется и антиномия своего, ближнего и, наоборот, постороннего: *для ближних рабочих масс* (К); *ближним подчиненным, ближние соседи* (ЮМ); *Посторонний, пришлый народ расположился кучами...* (К). И еще одно противопоставление, реализуемое индивидуально-авторской лексикой. Человек может быть или босым, т. е. свободным, или зажиточным, связанным собственностью: *Заметь этот социализм в босом теле* (К); *...видны были освещенные солнцем босые люди, наслаждающиеся воздухом и свободой с непокрытыми головами* (Ч); *Давно пора кончать зажиточных паразитов! — высказался Сафронов* (К).

Крайне важно в итоге, принадлежит ли человек к новому, «классовому» поколению, понимающему суть социальных процессов: *Ты сознательный молодец, — сказал он, — ты чуешь классы, как животное; Ты вполне классовое поколение, — обрадовался Сафронов, — ты с четкостью знаешь все отношения, хотя сама еще малолетка* (К); *Вермо наклонился с седла, чтобы лучше разглядеть классовое зло на лице Босталоевой* (ЮМ).

• «Трудовая деятельность». Социальные преобразования неслучайно связаны с трудом человека: *Челпурный должен был опираться только на свое воодушевленное сердце и его трудной силой добывать будущее, вышибая души из затихших тел буржуев и обнимая пешехода-кузнеца на дороге; На столе горел огарок свечи, добытый из запасов буржуазии Киреем...* (Ч). Если сформулировать идею трудовой деятельности, используя авторскую лексику, то платоновский человек терпелив, он имеет серьезное занятие, заботу, трудится, управляется с усердием, терпением, поспевает, организует, добывает что-либо для жизни

и труда и в результате становится усталым, утомляется, ощущает тяжесть этой нагрузки. Чаще других слов группы (49 раз) употребляется в текстах Платонова глагол *трудиться* с наиболее общим значением.

• «Учреждение» и «Документ». Слова этих рубрик создают специфический фон социальной деятельности: *Этот товарищ просит ему прислать примерный устав такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и два литра чернил* (К). *Босталоева прошла по коридорам гулкого учреждения, потрогала папки в шкафах и серьезно задумалась в скучной пустоте канцелярий* (ЮМ); *Сверив прибивший кулацкий класс со своей рассловечной ведомостью, активист нашел полную точность и обрадовался действию Чиклина и кузнечного молотобойца* (К). Часто бюрократический фон противоречит настроению героев или, по крайней мере, контрастируют с ним: *Босталоева сложила в чемодан два запасных платья, ведомость потребных стройматериалов и оборудования, белье, поглядела на себя в зеркало и села на кровать в одиночестве* (ЮМ); *Копенкин долго стоял на улице, уже не видя друга; потом вернулся в сельсовет и заплакал в пустом помещении* (Ч).

Анализируя слова сферы «Социальные отношения и трудовая деятельность», можно сделать вывод, что социальное у Платонова постоянно пересекается с самыми разными категориями. Например, оно часто переживается эмоционально: *Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость* (К). С новыми социальными отношениями неразрывно связано представление о дружбе, заботе, надежде: *Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходило в избу-читальню и там оставались не евши весь день, учась письму и чтению, счету чисел, привыкая к дружбе и что-то воображая в ожидании* (К); *...сам пролетариат скорей входил бы в полную силу, поскольку ему не на кого теперь надеяться* (Ч); *Пока что Дванов еще боялся пользоваться людьми коммунизма, он хотел жить тише и беречь коммунизм без ущерба, в виде его первоначальных людей* (Ч). Очевидно взаимовлияние социальных отношений и эмоций человека: возможность или невозможность социальных преобразований приводят человека в определенное эмоциональное состояние, а социальные преобразования, наоборот, немислимы без соответствующего эмоционального настроения. Социальные понятия, как и государственные, могут опредмечиваться (*Не в бурьяне же ты их [людей] собрал, а в социальном месте, П:Ч*) или становиться универсально-бытийными: *Снежный ветер утих; неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало*

вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба (К).

Итак, лексика государственной и социальной сфер отражает в произведениях Андрея Платонова идею социальной революции, преобразующей человеческую жизнь, предметный мир, природу и все мироздание. В этой концепции переплетаются личное и общественное, человеческое, природное и глобально-мировое. Государственные и социальные процессы (в том числе революция) вовлечены в процессы психологические, природные, бытийные и не могут рассматриваться отдельно от них.

Эти суждения в целом не противоречат интуитивному читательскому представлению о произведениях Андрея Платонова. Напомним, однако, что они возникли на базе формализованной выборки и семантического анализа частотной лексики. Количественные аспекты анализа текста, таким образом, соотношены с содержательно-концептуальным уровнем рассмотрения художественного произведения, а филологическая модель строится на формализованных лингво-статистических основаниях.

ЛИТЕРАТУРА

Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. – СПб.: СПбГУ, 2000.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Под общ. ред. Л.Г. Бабенко] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

Минц З.Г. Статистический подход к исследованию плана содержания художественного текста // Минц З.Г. Блок и русский символизм: Избр. труды: В 3 кн. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. – СПб.: Искусство, 1999. С. 679-698.

Рудаковская Э.В. Феномен языка Платонова (Исследовательская традиция и поиски новых решений) // Творчество Андрея Платонова. Кн. 3: Исследования и мат-лы. – СПб.: Наука, 2004. С. 281-295.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Под. общ. ред. Л.Г. Бабенко] – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Фролова М.В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX в. (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

© Мухин М.Ю., 2010